

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ПРОЕКТЫ

Л.С. Соболева

ЮНАЯ ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Мы привыкли называть ту часть русской литературы, которая существовала с XI до XVII вв., древнерусской. Но при произнесении таких словосочетаний как «древнерусская литература», «древнерусское искусство» невольно возникает ассоциация с чем-то древним, старым, давно ушедшим, загадочным и далеким. Вслед за великим художником Васнецовым, изобразившим русского летописца в образе седовласого старца в монастырской келье, авторы литературных произведений представляются людьми преклонных лет, читающими в уединении старинные фолианты или свитки. Это отчасти могло быть так, но было и совсем иначе. Древнерусская литература — молодая по отношению к моменту ее появления, это литература, которая на протяжении нескольких столетий отчаянно пытается отстоять национальную самобытность, обосновать право иметь собственное суждение в таких вопросах, где мировое сообщество уже вынесло свой вердикт. Эта литература удивительно дерзко на национальном художественном материале трактовала общехристианские положения. Она поразила христианский мир как стремлением к освоению новой для славян письменной культуры, так и молодой страстью в достижении ее высочайших образцов.

Письменное слово приходит к славянам во второй половине IX в. как завершение труда братьев из города Солуни (в настоящее время — Салоники на Эгейском море), греков по национальности Кирилла и Мефодия. Младший из восьми братьев Кирилл (по рождению его имя было Константин) оказался талантливым лингвистом и философом. Загоревшись идеей дать славянам письменность и тем самым ввести их в великое сообщество христианских народов, Константин-Кирилл изобретает ряд буквенных знаков для обозначения звуков устной речи. Удивительно, насколько точно он уловил значащие для смысла слова звуки, дал название буквам и составил алфавит, в основе своей дошедший до нас. Это было непростое и опасное для карьеры и самой жизни дело. Очень многие теоретики христианского вероучения, особенно в католической церкви, считали, что Святое Пи-

сание можно изложить только тремя святыми языками: еврейским, греческим, и латинским. Их сомнения базировались на том, что учение христианства за многовековое существование обрело настолько сложную систему философских отвлеченных понятий, которым нет эквивалентов на славянских языках, что попытка перенести эту сложность в качественно иную культуру, знающую только устное слово, приведет к профанации (упрощению) и искажению основы. Однако были и другие мнения, основанные на вере в возможности духовной культуры к обретению новых горизонтов. Кирилл и Мефодий рискнули, отдав этому делу свою жизнь, достигли успехов и обрели бессмертие в памяти всех славян. Не случайно сама славянская азбука получила название «кириллица», а день памяти братьев — 24 мая стал праздником не только славянской письменности, но славянского культурного единения.

Русская средневековая литература до появления в 1564 г. первопечатного «Апостола» Ивана Федорова существовала исключительно в рукописном виде. Понятно, что текст рукописи не столь стабилен, как в печатной книге. Каждый новый переписчик допускал ошибки самого разного характера (пропуски слов и целых абзацев, повторы, искажения непонятных выражений). Существовали даже специальные правила, предписывающие писцу соблюдать точность при переписке, но человек не мог механически переписывать, не вдумываясь в смысл. Долгая во времени жизнь произведений приводила к изменению текста, вольному или невольному, а иногда к появлению в тексте совершенно не читаемых отрывков. Хорошо, если рукописей с таким памятником много и можно попытаться восстановить утраченный смысл по другим спискам, а если текст обнаружен только в одной рукописи, то что-то так и останется догадкой исследователя и читателя. Переписчик чувствовал себя, почти как в искусстве устного слова, соавтором и потому без зазрения совести позволял на основе прежнего произведения творить свой вариант.

Иным, чем в литературе Нового времени, было представление об авторе произведения. Имя, которое приписывалось к произведению, означало не столь авторские права на текст, сколько устанавливало авторитетность памят-

---

Лариса Степановна Соболева — кандидат филологических наук, доцент кафедры фольклора и древней литературы Уральского государственного университета.

ника, включала ассоциации читателя, касающиеся благочестивого бытия этого человека, его других славных свершений. Если же автор текста и читатели не считали жизнь писателя достойной памяти потомков, то имя, в конце концов, исчезало. Понятие ценности произведения как выражения авторского внутреннего мира, личностного переживания и субъективной оценки — эти качества будут формироваться в недрах древнерусской литературы на протяжении нескольких веков, и только, пожалуй, к XVII в. проявятся первые результаты, но даже в это время многие памятники останутся безымянными. Ценность человека в его неповторимом личностном выражении — завоевание и драма нового времени.

Стоит упомянуть о разнице в целях чтения книг, что определяет и различие в художественной организации текста. Сегодня для нас главное в книге — интересное изложение, захватывающий конфликт, авторские откровения или парадоксальность суждений, словом, все то, что дает нам эстетическое наслаждение от процесса чтения. Нельзя не видеть, что подобные качества были присущи и литературе средневековья, но если бы мы попробовали сказать об этом читателю тех времен, то, в лучшем случае, нас бы просто не поняли, в худшем, обвинили бы в грехе лукавства. Чтение для человека Древней Руси было связано с главной жизненной проблемой — спасением души. Человек искал в книге рассказы об опасностях, которые его подстерегают в беспокойном мире, ценил советы по обретению добродетели, скорбел по поводу несовершенства земного бытия, узнавал примеры благочестивой или греховной жизни. Но главное было из всего этого извлечь истину о дорогах, которые ведут к совершенству, набраться мужества и мудрости пройти земной путь, не впадая в смертный грех гордыни и тщеславия, лжи и предательства, жадности и бездуховности. Отсюда вытекало то качество литературы, которое сейчас нам кажется излишним — поучительность или дидактизм, но без которого чтение было немислимо вплоть до переломного XVII в. Поэтому и сам процесс чтения был иной. Книга читалась преимущественно вслух, вдумчиво и медленно, и при этом обязательно комментировалась.

Каковы же были основные художественные правила, в той или иной степени используемые всеми авторами и привычные средневековому читателю, которые затрудняют современному человеку восприятие памятника. Речь идет о принципе «подобия», который в Средневековье являлся доминирующим в описании окружающего мира. Как утверждалось в Священном Писании, Бог создал человека по своему **образу** и

подобию. Земной и небесный миры подобны друг другу. Уловить подобие — означало уловить суть события или образа, от внешних очертаний добраться до внутренней глубины. Стремление следовать выработанному веками канону составляло подлинную цель творчества. Создать «подобное» отнюдь не означало повторить прежнее, точно такое же, но предполагало умение увидеть в происходящем идеальную суть, соотнести образы и поступки персонажей с идеальным образцом и тем самым возвысить окружающий земной мир до вечности. Этому служили, например, постоянные цитаты, которыми были пропитаны произведения.

Уровень цитирования, умение правильно расположить чужое слово в контексте своего были показателями писательского мастерства и начитанности автора, что приравнивалось к высшей образованности. В первую очередь, цитировались книги Библии и известных христианских писателей. Были даже, так сказать, излюбленные цитаты времени, которые «кочевали» из одного произведения — в другое. Каждое произведение средневековья существовало в кругу себе подобных текстов и в связи с другими жанрами. Таким образом, чтение одного памятника письменности вызывало в памяти читателя тем больше ассоциаций, чем образованнее он был. Средневековая литература в отличие от словесности других эпох относилась к канону благоговейно и не только не пыталась скрыть образец для подражания, но и всячески выявляла его. Зная заранее заданные правила изложения, писатели находили новые краски и детали, воспитывая внимательный читательский взгляд и заставляя ценить каждое слово.

Все жанры древнерусской литературы имели правила изложения, и в писательском сознании сложно переплетались заранее заданные параметры с живой жизнью, которую, конечно, не всегда можно было поместить в «прокрустово ложе» канона. Христианская письменность открыла для человека устной культуры новые горизонты, не случайно ощущение нового, неизвестного ранее пронизывает сохранившиеся памятники XI–XII вв. Одним из главных обретенных было новое понимание времени и пространства. В устной культуре художественное время было связано с ритуалом ежегодно повторяющегося календарного обряда. Вслед за солнцем время совершало круговорот, в котором возобновлялись вновь и вновь живительные силы природы и человека. Помимо этого ритуального времени, было время родовой преемственной связи. В этом времени существовали предки, о самых знаменитых слагались легенды, передаваемые из поколения в поколение.

Время измерялось родословиями, и важны были не года как таковые, а события, связанные с членами рода. Христианство предполагает для человека новую общность — христианскую общину, а именованья «брат» и «сестра» относятся не к кровному, а к духовному родству, связанному с понятием о братстве всех христиан. Письменность приносит развертывание времени как летоисчисления, хотя в системе христианских пасхальных торжеств сохраняется «круговое» время. Появляется несколько важнейших точек на временном векторе. Первая — это мифическая точка сотворения мира, от которой средневековые писатели начинают вести отсчет событий. Вторая точка — год рождения Христа. Разница между двумя событиями составляет 5508 лет. Вплоть до XVII в. все даты в русской словесности приводились от сотворения мира, и только переходный век — спонтанно, а затем Петр Великий — своим указом — ввели то летоисчисление, которым мы пользуемся и сейчас — от рождества Христова.

Древнерусская культура открывает для себя движение времени, важным становится представление о различии веков, лет, дней. День разбивается на несколько часов в соответствии с церковным богослужением. Появляется колокол, который в течение дня отмечает наступление определенного часа. События в сознании человека начинают прикрепляться не к родовому времени, а к календарному. Это открытие приводит к замечательному результату — появлению в XI столетии записей о текущих событиях и подвигах прошлых лет, соединенных с конкретным годом и днем. Складывается традиция составления **летописи**, которая, в итоге, является плодом творчества многих писателей нескольких поколений. Главным героем летописи становится время, даже тогда, когда, по мнению летописца, ничего не происходит (нет войн, пожаров, смертей или рождений князей, нет междоусобиц и посольств), летописец обязательно отметит сам год.

Самое великое событие конца X в. — крещение Руси автор описывает, используя прежние традиции повествования. Событием, ознаменовавшим взросление героя, обретение им нового положения в обществе и расширение территории, всегда был брак, который открывал новые возможности для персонажа. Крещение Руси — тоже своего рода обретение нового мира, как для князя Владимира, так и для всего русского народа. Поэтому понятно, что автору летописи наиболее близок оказался сюжет сватовства и женитьбы героя, чтобы принятие новой веры не объяснялось давлением Византии и не нарушалась честь киевского князя. В этом предании, пришедшем в летопись из фольклора,

соединились прежняя логика героических подвигов — во имя продолжения рода — и новая — во имя спасения души.

Крещение — поворотный момент истории, необходимость которого показана летописцем, при описании опасной грани смертельной семейной вражды, способной привести молодое государство к гибели. История с этого момента понимается как разрешение конфликтов между князьями — с одной стороны, и отстаивание Русской земли от набегов степных народов (печенегов, половцев) — с другой. Летописец справедливо чувствует взаимосвязь этих проблем в русском самосознании. Рассказы об убийстве внуков Владимира Бориса и Глеба, о княжеском съезде в Любече в 1097 г., где князья давали друг другу клятвы верности и вскоре нарушили их, ослепив одного из родных братьев, вызывают горестные сетования автора на несовершенство человеческой природы, обвинения князей в совершении смертного греха предательства.

Человек Древней Руси пытался понять, почему в мире, который Бог сотворил как воплощение гармонии и благодати, так много зла и жестокости. Логика средневекового объяснения приводила к поиску злого начала (сатана, бес, антихрист), которое вмешалось в творение Бога и все силы направляет на соблазн людей с «пути истинного». Об этом в увлекательной форме рассказывал апокриф (что в переводе с греческого означает «тайный, сокровенный») **«Какое сотворил Бог Адама»**. Апокриф повествовал о создании человека из нескольких частей, где человеческое тело вбирало в себя весь окружающий мир (камни, морскую воду, ветер, облака, солнце). Памятник забавно передавал обыденную перебранку Бога и Сатаны, не лишая рассуждения последнего остроумного толкования вредоносных поступков. Однако текст не только объяснял болезни и недостатки людей как происки Сатаны, но и приводил к мысли о неразрывности добра и зла, об их, подчас, сложном пересечении.

Христианство приносит новое понимание предназначения человека и системы жизненных ценностей. Национальная литература не остается безучастной к формированию внутреннего мира людей, которых князь Владимир называет «новыми». С каким пристальным вниманием читали в древней Руси многочисленные **жития** святых, переведенные с греческого, где открывались поистине удивительные для новообращенного христианина вещи. Оказывается, Бог любит не жертвоприношения и пиры победителей, а сам пострадал во имя спасения людей от греховной жизни, и потому наиболее близки ему такие качества, как терпение, смирение, желание покаяться в своих грехах, стремление к со-

вершенству. Правда, совершенство — тоже совсем иное. Это не физическая сила, не богатство и не воинская удача, совершенство — это готовность к жертве, это стойкость в страдании, забота о ближнем, а главное — любовь к Богу и через это ко всему миру. В многочисленных житиях рассказывалось о самоотверженности христиан, для чего использовались подчас причудливые сюжеты из античных романов.

На Руси уже в киевском периоде появились свои любимые святые, подвиги которых вызвали особенно теплое отношение. Прежде всего, это Богородица, о милосердии которой повествовал апокриф **«Хождение Богородицы по мукам»**, напоминающий современному читателю «Божественную комедию» Данте.

Особое место среди святых занимали святые воины-защитники. Именно их имена — Дмитрий, Георгий, Михаил, Федор — становятся излюбленными крестильными именами русских князей, кроме родового имени. Не случайно первыми русскими святыми становятся князья-воины, предводители дружины, сыновья Владимира Киевского Борис и Глеб, а в крещении Роман и Давид. Они гибнут в княжеской междоусобице 1015 г. после смерти Владимира, и летописец обвиняет во всем старшего брата Святополка, захотевшего быть «единовластцем» Русской земли. Братьям посвящено много памятников, самым интересным, динамично и с сочувствием излагающим трагические повороты в судьбе братьев оказалось **«Сказание о Борисе и Глебе»**, написанное неизвестным автором в конце XI в. Сложность ситуации, которую пытался разрешить автор, состояла в том, что обычно защитники христианства гибли, защищая веру от злых язычников во времена раннего христианства. Автор в сказании полярно переворачивает героический тип поведения, принятый в прославлениях предыдущих веков. Он видит героизм не в сопротивлении, а в покорности и смирении, главное оружие не меч, но молитва, важна не любая жизнь, а та, что ведет к спасению души.

Знала древнерусская литература с самого начала и другой тип святости. Примером для многих стала жизнь Феодосия Печерского, создавшего Киево-Печерскую лавру и снискавшего славу не подвигами, превосходящими человеческие силы, но упорным каждодневным трудом. Лавра на протяжении всех веков ее существования была духовным центром русской, а затем украинской земли. Феодосию удалось создать в Лавре своего рода нравственный камертон времени. **«Житие Феодосия Печерского»**, созданное в XI в., повествует и о его твердости духа, нравственной непреклонности в общении с князьями и милосердии ко всем обездоленным.

Будучи жанром, обращенным к человеку, житие останавливается на разных сторонах человеческого бытия. В литературу начинает входить другой тип героя, меняется и тон повествования: от энергичного и краткого оно становится более пространным, насыщается примерами и цитатами из Святого Писания, но в то же время возникает потребность в описании не только действий героев, но и их желаний, мыслей, объяснения логики поступков, появляются первые пунктирные очертения внутреннего мира героев.

Среди писателей конца XI — начала XII в. достойное место по праву таланта, а не только из-за высокого положения в феодальной иерархии занимает правнук киевского князя Владимира **«Крестителя»** Владимир Всеволодович Мономах (1053-1125).

Мономах пишет свое поучение, обращаясь не только к детям, но и к «иным» читателям. **«Пучение» Мономаха** отличается сочетанием мягкости, задушевности в просьбе сохранять достойное поведение и требовательности, когда речь идет об обязанности сильных мира сего. Вносит Владимир Всеволодович нотки лирических переживаний, которые придают тексту искренность и грустную задумчивость. Впервые в русской литературе в тексте разворачивается автобиографическое повествование. Обычная позиция для автора — в крайнем случае, упомянуть свое имя, и лишь изредка можно вычитать в тексте отдельные сведения из жизни писателя. Мономах не скупится на описание своей биографии. Он подробно перечисляет бесконечные походы, условия жизни, не скрывая, говорит, сколько человек пришлось убить, а кого он похристиански пожалел, говорит о победах и неудачах, как в битвах, так и на охоте — еще одно подлинно мужское занятие. Но обо всем этом он пишет не из тщеславия или гордости. Показывая свою нелегкую и полную опасностей жизнь, Мономах говорит об избавлении человека от страха. Нет смысла бояться, если твоя жизнь в руках божьих. В душе человека должен быть только один страх — страх греха и преступления по отношению к своей душе, а в остальном — Бог хранит человека, как сохранил он князя. Мономах словно предчувствовал, какие суровые испытания ждут его соплеменников на долгом и трудном пути к независимому и сильному Отечеству. Воспитать бесстрашие, смелость и дерзость для битв в сочетании с милосердием и трудолюбием — задача, которая была по силам только талантливому писателю.

Принятие христианства позволило иначе взглянуть на то пространство, которое простиралось вокруг. В мире устной языческой культуры мир делился на земли свои (родоплеменные) и чужие, враждебные, которые можно бы-

ло завоевывать и наносить им столько вреда, сколько возможно. Кроме земного мира, существовал мир предков, куда человек уходил после смерти, и мир языческих богов. От благорасположения иных миров зависело благополучие на земле. Поэтому каждодневное бытие человека было пронизано приметами, магическими действиями в соединении с заклинаниями, которыми человек ограждал себя от действия злых сил и «притягивал» добрые.

В христианстве весь мир — творение Бога, земля сама по себе не враждебна, враждебны могут быть только населяющие ее люди. Но в пространстве выделяются места, которые обладают особой силой святости, где человек чувствует себя ближе к Богу. Это храмы, монастыри, почитаемые могилы святых и те земли, где творил чудеса Христос и его последователи (Палестина, Рим, Константинополь). К таким местам совершались паломничества, так как считалось, что их посещение спасает человека от грехов. Создавались и произведения литературы в жанре «**Хождений**», рисующие живописные картины для тех, кто не имел возможности отправиться в Палестину. **Игумен Даниил**, посетивший Иерусалим и окрестности в начале XII в., обратился к жанру «хождений» не для создания путеводителя по святым землям, хотя его описания города, реки Иордан, Фаворской горы и других памятных всем мест отличаются точностью и образными сравнениями, делающими далекие земли близкими русскому сердцу. Убедительность описания христианских святынь, в контексте которых упоминаются имена современных Даниилу князей, враждующих между собой, должна заставить их взглянуть на свои дела с позиций вечности, оценить междоусобицы как великий грех и подумать о благополучии всей Русской земли.

Мысль о том, что Русская земля столь же праведна, как и другие христианские земли, а вера русских людей столь же искренна, как и у народов, принявших христианство ранее, составляет важную часть размышлений в ораторском выступлении митрополита Илариона (XI в.) «**Слове о законе и благодати**».

Итогом духовной работы писателей XI-XII вв. и вектором, уходящим к далекому горизонту будущего, явилось «**Слово о полку Игореве**».

Князь Игорь — по сути, герой трагический: желая добра своему отечеству, он более всего стремится к славе, не считаясь с теми последствиями, которые могут случиться. Беда обрушивается на него, когда он меньше всего готов к ней. Его эгоизм и тщеславие приводят князя к моральному краху, а дружину — к гибели. Пролитая кровь на поле битвы и нравственные страдания — горькая плата за грех «гордыни», спо-

собный привести душу к гибели, а отечество — к разорению. Бежит не только князь Игорь из половецкого плена, это душа его бежит из плена славословий и пут честолюбия. Поэтому и не желает он, в соответствии с феодальными принципами, ожидать почетного освобождения за выкуп, который должны были собрать в его княжестве. Бежит, как простолюдин, сопровождаемый отнюдь не знатной свитой, а неведомым половчанином, бежит не по-рыцарски в окружении свиты, а тайком через поля и леса, скрываясь от преследователей. Бежит, хотя в половецком плену он был в безопасности, а во время побега смертельно рисковал. И этот момент очень важен для автора, он — свидетельство того духовного труда, совершенного в душе князя, который открыл ему истинную цену жизни.

Князь Игорь направляется в Киев — центр Русской земли к иконе богородицы Пирогощей, которая находится в храме на Подоле, то есть в нижней, не защищенной крепостными стенами части города, где жили люди простого звания. В средние века не надо было объяснять, зачем человек стремится, прежде всего, в церковь, а не к себе домой и даже не в княжеский дворец Святослава. Это разбуженная совесть князя требует покаяния, чтобы обрести иную главную ценность в жизни — не княжескую славу, а спокойствие на Русской земле. Таким образом, автор приходит к важнейшей патриотической формуле, приемлемой и в последующие времена: спасти Русскую землю можно только, спасая свою душу; спокойствие родины сопряжено с обретением душевного покоя, что достигается только преодолением тщеславия и гордыни, через единение всех «русичей» в великой заботе об Отечестве.

Надвинувшиеся на Русь грозные времена нашествия превращают период X-XII вв. в сгусток светлых воспоминаний, становятся для древнерусского человека национальным Эдемом (райским садом), где были истинная гармония, мир и процветание. Обращение к образу Киевской Руси хранило человека от губительного отчаянья, память давала надежду на перемены. К таким памятникам, талантливо рисующим картину жизни Древней Руси, относится сохранившаяся часть из «**Слова о погибели русской земли**», созданного в 30-40-х гг. XIII в. Контрастно по отношению к названию памятника в тексте представлена живописная, сверкающая в лучах солнца Киевская Русь, которая «многими красотами удивлена еси».

К воинской повести будут обращаться читатели Древней Руси в драматическое время ордынского нашествия, будут читать тогда, когда выплата дани Ордынскому хану и зависимость

русских князей от ордынского правителя станут непреложным фактом для нескольких поколений. Воинская повесть будет напоминать о чести и храбрости русских воинов, повествовать о победах и обидных поражениях, а главное, вселять надежду на новые времена, когда вновь Русь станет свободной и независимой.

В «**Повести о нашествии хана Батыя на Рязань**» много вымысла, хотя и рассказанного с убеждением в реальности произошедшего. Трагические события нашествия автор показывает в двух ракурсах. Это драма всех рязанцев, которых сплотила общая беда, и горестная история семьи князя Федора Юрьевича. Князя бьются наравне с дружинниками, и автор находит для выражения горя удивительно точное образное выражение: «Все равно умроша, едину чашу смертну пиша» (Все погибли одинаковой смертью, выпили единую смертную чашу). Но если гибель Рязани вызывает чувство скорби, то семейная драма Федора Юрьевича трогала читателя, западала в самое сердце. Следуя наказам отца, князь Федор готов «молить» хана Батыя, чтобы тот принял дары и не разорял город, но на требование Батыя отдать ему свою жену следует гордый отказ: «Аще нас приодолеши, то и женами нашими владеть будешь». Иными словами, для автора важно показать вероломство врага, его безнравственность, и — с другой стороны, моральную правоту русских людей.

О Куликовском сражении написано много произведений, оно потрясло русских людей, потому что дало им ощущение силы и больших возможностей, наградило главным — верой в себя и князя. «**Сказание о Мамаевом побоище**», несмотря на то, что рассказывает о жестокой и кровавой битве, одно из самых поэтичных и оптимистических произведений в древнерусской литературе. Картины русской природы, которыми пронизана воинская повесть, обращение к русским обычаям, доверительные и искренние отношения людей между собой, основанные на понимании общей цели и готовности пострадать за Русскую землю, — все это придает тексту лиризм и проникновенность, столь неожиданные для жанра, но тем более привлекательные для читателя. Талантливый автор превратил описание битвы в увлекательное повествование, интригующее читателя. Писатель раскрывает подлые замыслы Мамаю, клеймит предательство литовского князя Ягайло и Олега Рязанского, восхищается неожиданными полководческими решениями Дмитрия Донского. Мамай — средоточие сил зла, и сражение с ним становится поистине космическим. Это знаменуется благословением Сергия Радонежского — самого великого духовного авторитета своего времени, который посылает для участия в битве

монахов Пересвета и Осляби. Монахи не могут брать в руки оружие, таковым становится крест. С этого момента и далее нашествие ордынцев — не наказание Руси за грехи, а явление Антихриста, и на помощь русскому войску приходят святые Борис и Глеб. Но главным чудом становится перечисление тех сил, которые приняли участие в битве и представлены из всех русских княжеств.

Обретение Русью статуса сильного и самостоятельного государства на протяжении XV–XVI вв. сопровождалось в литературе размышлениями о характере власти, о соотношении справедливости и милосердия, законности и права государя. Эти идеи были вполне в духе времени: Европа думала о том же. Облекались идеи в различные жанровые образования.

Автором «**Повести о Дракуле**», возможно, был дипломат и свободомыслящий интеллигент Федор Курицын, которого обвиняли в еретических воззрениях. Его произведение ошеломляло читателей неведомым прежде сочетанием комизма и злодейства. Страх и смех, соединенные вместе, умножали впечатление. Но за этим стояла важная мысль о разделении светской власти и власти Бога. Законы, которые Дракула вводит в своем княжестве, устанавливали справедливость на земле от имени человека, само прозвище которого подчеркивало, что его власть не имеет отношения к высшей силе. В определенной мере за этим могло стоять желание Федора Курицына честно и прямо сказать, что и злодеяния и благо на земле определяются волей и действиями человека. Через жанр исторического анекдота писатель приобщал читателя к европейским размышлениям о человеке как мере всех вещей.

В необычной форме обращается к проблеме власти «**Повесть о Петре и Февронии Муромских**» в XVI в. Изначально кажется, что это произведение близко к житию праведников: в нем рассказывается о благочестивой жизни муромского князя и княгини — мудрой дочери «древолозца» (собирателя меда диких пчел), разумно правивших в своем княжестве, ушедших на склоне лет в монастырь и умерших в один день.

В XVI в. благочестивой идеи для привлечения внимания слушателей было мало и писатель Ермолай (он постригся в монахи и получил имя Еразма после написания повести) выстраивает сюжет на мотивах фольклорных преданий, бытовавших не только в русском, но и мировом устном творчестве. Это мотивы змеборчества, магического оружия, соревнования в загадывании загадок мудрой девы и правителя, мотив верной жены, которая, уходя, забирает самое дорогое, что у нее есть, — своего мужа. Кроме

того, повествование расцвечено происходящими с героями чудесами, говорящими о человеческой доброте и милосердии (крошки хлеба становятся ладаном в руке Февронии, зеленеет посаженное ею сухое дерево). Но главное чудо в понимании автора — это чудо справедливости и заботы о людях, свершившиеся в княжестве во времена Петра и Февронии Муромских.

Ермолай-Еразм рисует идеальное правление, где осуществляется дорогая ему идея патриархального общества. Власть князя подобна власти отца в семье, столь же строга, сколь и заботлива, основана на любви и милосердии. Канонизация Петра и Февронии была осуществлена в год вступления на престол Ивана Грозного (1547). Не исключено, что писатель надеялся повлиять на молодого князя, нарисовав впечатляющую картину гармонических отношений владыки и его подданных. Историческая действительность оказалась куда как более суровой.

Ощущение, что с приходом нового великого князя открывается новая страница русской государственности, иллюзии, что можно провести радикальные преобразования и тем самым качественно изменить к лучшему жизнь на Руси, побудили и Ивана Пересветова взяться за перо и написать необычную и смелую повесть **«Сказание о Магмете-салтане»**. В чем кроется своеобразие сочинения Пересветова? В лице турецкого «царя» Магмет-салтана писатель рисует идеального государственного деятеля, нарочито беря за образец правителя государства другой веры, государства, которое в сознании читателя выступало главным гонителем христианства, захватившим центр православного мира — Константинополь (1453 г.).

Идеалом для Пересветова было единоличное правление, основанное на соединении «истинной веры и закона». Писатель, показывая турецкого «царя», балансировал на тонкой грани между тиранией и справедливостью. Непростая вечная проблема — найти такое соотношение цели и пути ее достижения, чтобы способы обретения цели не вступили в противоречие с человеческими ценностями. Спасением от зверства должна была быть христианская вера. Вопреки исторической логике именно к ней в поисках божественного слова обращается мусульманин Магмет-салтан. Пересветов говорит об этом в образной запоминающейся форме, не случайно его повесть привлекла внимание Ивана Грозного, но гармонического слияния христианской нравственности и справедливого обязательного для всех закона в его правление не случилось.

Художественным словом в XVI веке пишется своего рода устав, соединивший общественное и частное бытие человека — **«Домо-**

строй». Слова «дом» и «строй» понимаются в более широком значении. Дом — место пребывания человека — от государства до своей семьи, строй — порядок и творение дома. Казалось, достаточно внушить человеку правила, касающиеся почитания веры, послушания государю, обращения с женой, детьми и слугами, правила поведения во время церковной службы, в гостях, дома — и все наладится. Казалось, что порядок и есть, в первую очередь, основа для идеального бытия. Словом, это тоже своего рода утопия, выраженная в повелительном наклонении. Однако впервые частная, домашняя жизнь человека становится предметом подробного описания и становится столь же важной составляющей идеального человеческого бытия, как служение государю или вера в Бога. Воспитание детей осознается обязанностью, хозяйственные заботы признаются достойным делом для идеального хозяина. «Мой дом — моя крепость», и чем крепче дом, тем крепче государственное устройство. Собственно говоря, государство должно уподобляться дому с распределением обязанностей, иерархией отношений, отеческой заботой о каждом и уважением друг к другу. В этой установке памятник перекликался со взглядами Ермолая-Еразма, но в «Повести о Петре и Февронии» писатель настаивал больше на доверительных, душевных отношениях людей, которые только и могут лежать в основе долга.

Начиная с XV в. литература открывает для читателя увлекательный внутренний мир человека, связанный с земными заботами и каждодневными делами. Главным качеством, которое в итоге определяет высокую оценку произведения, становится занимательность. Даже в традиционном жанре жития появляются увлекательные детали. Так, после канонизации в 1439 г. архиепископа новгородского Иоанна, жившего в XII в., возникла **«Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на беса в Иерусалим»**. Задача повести — показать праведность архиепископа и рассказать о чудесах, которые с ним происходили. За основу взят так называемый мотив о «заключенном бесе», хорошо известный в мировом фольклоре. Святителю Иоанну удалось поймать беса в сосуд с водой, «заградив» его молитвою, он вынудил беса в течение одной ночи свозить его в Иерусалим поклониться гробу Господню и вернуться в Новгород. Автор с удовольствием передает слова плачущего беса, его предсказание об изгнании Иоанна из Новгорода, что и случилось. Но повесть дает неожиданную развязку, основанную на чуде. Плот, на который посадили святителя, не желает плыть по течению, а плывет против, показывая праведность Иоанна. Этот занимательный сюжет

хорошо известен по повести Н.В. Гоголя, где бес такой же послушный исполнитель воли ловкого человека.

В XVII в. в литературе все более актуальными оказываются земные интересы людей. В этот переломный век литература стремится сбросить с себя привычные жанровые одежды, найти новые темы, открыть новых героев, разработать новый язык и новый ритм прозы, создать новый мир поэзии и театра. Литература в этот период открывает для себя любовные переживания, появляется рукописный роман о роковой любви, которой невозможно противиться, **«Повесть о Тверском Отроче (мужском) монастыре»**

Читатели и писатели XVII в. словно играли в словесную игру, получая удовольствие от пародий на такие жанры, смеяться над которыми ранее было бы величайшим грехом. Можно представить, как возмущался иной церковник, читая подобные тексты, которые зачастую сочинялись и переписывались его же соратниками. Пародировались церковные песнопения: вместо службы Богородице, например, пеля канон «Мати-Горилке», а вместо жития мученика читатель, смеясь, постигал «мучения» пьяницы. Пародировался процесс суда, выносящего якобы справедливые решения, по принципу «подобия», когда наказание повторяло преступление в повести **«Шемякин суд»**. Пародировался жанр хождений в рай, только вместо праведника на райское место попадал бражник. Издательски использовались даже такие, казалось бы, безобидные жанры, как лечебники. Популярными рукописными сборниками с рецептами употребления трав и других средств для излечения, включая заговоры, превратились в **«Лечебник на иноземцев»**. Можно только догадываться, чем насолили автору «иноземцы», что он предложил им такие невероятные способы лечения. Действительно, все сдвинулось, менялось на глазах, и эта нестабильность часто оборачивалась к человеку негативной стороной. Шумное веселье могло перейти в драму разорения, обнищания и унижения человека. Смех сквозь слезы чувствуется в пародии на популярные средневековые азбуки в повести **«Азбуке о голлом и небогатом человеке»**.

Перемены были и радостью для реформаторов и трагедией для тех, кто не хотел и не видел оснований их принимать. Перемены, разрушавшие привычный и устоявшийся уклад русской жизни, особенно неприемлемы были там, где дело касалось веры, ставшей главной основой

связи поколений. Измена вере (обрядовая, книжная, внешне ритуальная) приравнивалась к измене роду, измене памяти отцов и дедов и вела к разрушению главных жизненных ценностей. Именно так считали те, кто стойко отстаивал прежние принципы, искренне полагая, что в верности старине заключается условие спасения души.

Из этого очень многолюдного слоя русско-го православия, названного староверием, вышел писатель, опередивший время, как своим смелыми языковыми исканиями, так и самой постановкой проблем. Это был протопоп Аввакум, написавший свою автобиографию на фоне современных ему исторических событий и лиц. **«Житие» протопопа Аввакума** написано страстно и дерзко. Никто, кроме него, находясь в заключении, не смел так «на равных» говорить с государем и патриархом, никто не смел честно и прямо писать те нелицеприятные слова, которые находил протопоп, обвиняя власть предержавших в смертных грехах. Сочетание любви и ненависти, прощения и угрозы вечных мук, непоколебимость и жалость — все эти противоположные чувства пронизывают памятник. Аввакум то доверительно беседует со своим читателем, то убеждает его своим примером быть стойким и непримиримым. От высоких словес Аввакум часто переходит на просторечие, сознательно смешивая эти два стиля. Такие перепады придают повествованию внутреннюю энергию, словесные ряды, оттеняя друг друга, высвечивают особенности каждого. Аввакум был казнен «за великие на царский дом хулы», но «Житие» разошлось в многочисленных рукописных списках и, вопреки желанию властей, стало частью великой русской словесности.

Письменная словесность в течение нескольких веков существования стала необходимой частью духовного мира людей разных сословий, возрастов, интересов. Литература, помимо того, что она разнообразила жизнь человека и доставляла ему удовольствие от возможности соотнести свою судьбу с судьбами героев, побывать в разных странах, почувствовать власть над людьми, играла роль милосердного судьи и врачевала недуги совести. Литература настолько полно и разнообразно вошла в жизнь человека, что писатели начинают осознавать себя как властители дум, пророки, философы и мечтатели. Такое жизненно определяющее положение литературы было сформировано в великом русском Средневековье.

**ПРОГРАММА КУРСА «ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ДЛЯ 9 КЛАССА ГУМАНИТАРНОГО ЛИЦЕЯ**

№	Тема и количество часов	Основное содержание темы	Памятники
1	От фольклора к письменности в культуре Древней Руси. Рукописное слово — путь к вечности. 2 часа	Возникновение письменности в X в. — закономерный этап в развитии древнерусской культуры. Предпосылки обращения к книжности, обусловленные становлением государственности и развитием национального самосознания. Основные мировоззренческие и эстетические категории в фольклоре, определявшие своеобразие славянской словесной культуры (почитание рода и земли, понимание героического как богатейства, разделение мира на «свое» и «чужое», ритуальный характер слова, функциональный характер фольклорных жанров). Различие в бытовании устного слова и письменного в соотношении: автор — переписчик / рассказчик — читатель / слушатель. Пути распространения письменности и насыщенность книгами пространства Древней Руси. Забвение и новое открытие древнерусской литературы в XVIII-XX вв. Особенности исторического пути древнерусской литературы. Общечеловеческое значение средневековой словесности в познании мира и человека.	Фольклорный эпос (былины и сказания), сказки, плачи, славы, красноречие. Первые древние четьи книги: Остромирово Евангелие, Изборники 1073, 1076 гг., «Слово об образах» из Изборника 1076 г.
2	Особенности чтения человека Древней Руси. Жанровая система древнерусской словесности. 2 часа	Христианский смысл литературы: ритуальность, дидактичность, направленная на спасение души, особенности поэтики в выстраивании осей постоянного пересечения идеального и земного миров. Принцип «подобия» и открытие символического смысла происходящих событий и душевноспасительного пути идеальных героев в памятниках. Представления о цели человеческого бытия и новое по сравнению с фольклором открытие героического начала — парадоксальность этих приходящих идеалов (терпение, покорность, кротость, любовь к ближнему). Беллетристичность, восходящая к фольклору и к мировому искусству ораторского слова. Жанровая система, в которой сочетается произведения, предназначенные для христианской литургии и для чтения. Значение библейских книг (Бытия, Псалтирь, Экклезиаст, Премудрости Соломона. Евангелия), их особая роль в развитии литературного творчества. Читаемая литература — понятие сборника постоянного и непостоянного состава (Прологи, Минеи, Торжественники, Изборники). Человек как творение Бога и апокрифическое представление о божественном и греховном в человеке.	Книги Библии (Бытия, Притчи Соломоновы, Псалтирь, Евангелия) Апокриф «Как создал Бог Адама».
3	Открытие для человека Древней Руси понятия исторического времени и культурного пространства христианской «ойкумены».	Линейное и повторяющееся время, их сочетание в христианском быту человека и выявление в поэтике произведений. Соотношение вечного и земного, мимотекущего и «сакрального». Удивление, выраженное в летописи, перед категорией развития времени, а не только чередования событий. Фольклорные «бродячие» и сказочные сюжеты, характерные эпические герои в начальной русской летописи. Появление в героях новых качеств (сомнение в правильности поступка, милосердие, раскаяние, слезоточивость как проявление душевных движений). Включение в летопись рассказов о других странах, библейской истории как преодоление родоплеменной замкнутости в понимании пространства. Пространство Святой Руси, которое начинает обрисовываться в летописи. Новое качество объединения славян — христианское государство, ставшее для них условием спасения души.	Летописные статьи из «Повести временных лет»: об Олеге, княгине Ольге, Игоре, о белгородском киселе, о крещении Руси, об убийстве Владимиром Ярополка, повесть о Кожемяке и др.
4	Христианская душа в открытом мире. Новое понимание пространства и движения в нем человека. 2 часа	Пространство небесное и земное, греховное и святое. Места особой святости на Земле: храм, монастырь, чудотворные земли, Палестина. Апокрифические хождения в рай и в ад. Картины, живописующие наказания и утопическую благодать. От хождения — к путешествию, нравственный пафос открытия собственной души, ее спасения при перемещении по миру. Утопическое и детально бытовое в жанре «Хождений». Путь в Палестину к истокам христианского мифа и приобщение Русской земли к человековечности. Даниил: игумен не какого-либо монастыря, а «всей Русской земли». Драматическое путешествие Афанасия Никитина «за три моря», установка памятника на выражение любознательности в картине мира и купеческой предприимчивости в действиях человека.	«Хождение Богородицы по мукам» (отрывок), «Хождение Игумена Даниила» (отрывок), «Хождение Афанасия Никитина» (отрывок).

5	<p>Внимание к нравственному состоянию мира в риторических памятниках (XI-XII вв.). 2 часа</p>	<p>Дидактичность как художественное и мировоззренческое качество литературы Древней Руси. Формирование духовного мира человека с пониманием его противоречивости. Установка на целостность и духовный «труд». Приоритетные качества, выделяемые как идеальные, в памятниках риторики. Бесстрашие и страх божий, верность слову и забота о ближнем, чуткость, стремление к пониманию, милосердие, мудрость и ученость. Проникновение в литературу автобиографического начала «Поучение» Владимира Мономаха и его исповедальный характер. «Слове о Законе и благодати» митрополита Илариона: не закон («Ветхий завет»), а сердечная любовь как основа единения («Новый завет»).</p>	<p>«Поучение» Владимира Мономаха, «Похвала Ярославу», «Слове о Законе и благодати» митрополита Илариона (отрывок).</p>
6	<p>Святость — как одна из граней героического начала в средневековой словесности. Художественное воплощение идеализации персонажей в «Житиях». 2 часа</p>	<p>Разработка типов святости в христианской литературе, выявление благочестия в зависимости от направленности подвига. Парадоксальность и антиномичность в подходе к святости Спасение своей души и спасение мира, подвиг во имя христианства и подвиг во имя отечества. Святость отрешения от мира и святость «в миру». Сила кротости и подвиг терпения. Культы святых воинов (Георгий, Дмитрий, Федор) и подвиг милосердия и спасения ближних (Николай-угодник, Богородица). Первые русские святые — Борис и Глеб. Создание мифа о спасении русских людей через страдание и жертвенную любовь. Первый злодей русской истории — Святополк, суть злодеяния которого в отказе от покаяния и проявлении «гордыни». Поиск пути к благодати через преодоление собственной греховности человеком Древней Руси. Отрицание кровной мести как проявления верности роду, создание новой категории родовой чести и родовой праведности. Понимание патриотизма в идее преодоления преступной природы человека. Поиск созидательного начала в деяниях святого Феодосия Печерского.</p>	<p>Анонимное «Сказание о Борисе и Глебе» (отрывок), «Житие Феодосия Печерского» (отрывок).</p>
7	<p>«Слово о полку Игореве» — памятник страдания и надежды (XII в.). 4 часа</p>	<p>Проблемы открытия «Слова» и его невероятной судьбы. Уникальность времени XII в. — «крещендо» русской адаптации христианской культуры в национальном варианте. Политика, ставшая судьбой. Проблемы реального соподчинения княжеств и надежда на спасительность духовного единения. Создание обоснования для новой духовной реальности из сопричастности христианского спасения души и спасения Русской земли. Развертывание идеи в сюжетно-композиционном аспекте. Языческий мир и мир христианской праведности. Путь Игоря от гордыни через покаяние к обретению подлинного героизма духа. Создание национального духовного пространства в соединении времен и культур. Идея родовой верности и государственной политики как основы выживания народа. Палитра переживаний: от отчаяния — к светлой надежде. Идея воскресения души через гармонию всех начал, составляющих национальное самосознание.</p> <p>Значение образного мира памятника в обретении красоты как воплощении праведности. Язык и метафоричность памятника, сложности перевода и включение произведения в многовековую культуру. Обращение к «Слову» в XV в. — «Задонщина» Сафонтя Рязанца. Переводы «Слова» в XIX-XX вв.</p> <p>Споры в ученом мире о происхождении памятника и отражение этой драмы идей в спекуляциях последнего времени («Влесова книга»).</p>	<p>«Слово о полку Игореве», Летписные статьи о походе князя Игоря, «Задонщина», переводы «Слова».</p>
8	<p>Воинская доблесть и предательство в Повестях о столкновении с врагами. Мера жизни и смерти — верность и мужество (XIII-XV вв.). 2 часа</p>	<p>Появление понятия «враг всей русской земли», и поиски литературой основы для формирования поколений, сохраняющих свою национальную идентичность и готовых ее отстаивать. Соединение защиты отечества и защиты личной чести и чести рода для воина. Воплощение трагедии отечества в трагедии одной семьи и княжеского рода. Разрушение Рязани и стремление к возрождению города как символу возрождения человека. Враг внешний и враг внутренний. Сохранение веры в возможность противостоять нашествию в «Повести о Евпатии Коловрате». Новые возможности в осознании «соборности». Противостояние Мамаю как врагу рода человеческого всеми княжествами Русской земли. Возникновение феномена личного подвига и личного предательства в движении к осознанию индивидуальности человека в литературе Враг и союзник как символы и личности. Новые краски в изображении массовых сцен (битва и ликование).</p>	<p>«Повесть о нашествии хана Батая на Рязань», «Повесть о Евпатии Коловрате», «Слово о гибели Русской земли», «Сказание о Мамаевом нашествии» (отрывок).</p>

9	<p>Анекдот и притча в литературе XV-XVI вв. Размышление о власти и парадокс европейской новеллы в русском варианте. 2 часа</p>	<p>Использование притчи о «заключенном бесе» в житии Иоанна Новгородского. Остроумие сюжета и смелость решений героя как черта нового понимания человека. Тема идеального правителя в XV-XVI вв. Европейские анекдоты о Дракуле в интерпретации писателя-еретика Федора Курицына. Тема жестокости и справедливости. Справедливое наказание как основа воспитания правильного поведения всего общества. Значение положительного примера и дидактика устрашения как проблема выбора для власти. Эпатажность выбора положительного героя-правителя в отказе от религиозного и этнического принципа. Справедливость как общечеловеческая категория, присущая мудрому правителю. Особое значение диалога, отсутствие авторских дидактических выводов и указаний как предтеча новой эстетики читательского восприятия. Преодоление образа врага в русской литературе.</p>	<p>«Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим», «Повесть о Дракуле», «Повесть о Магомет-салтане» Ивана Пересветова.</p>
10	<p>Человек в своих лирических переживаниях. Литература XV-XVI вв. о теме любви и верности. 2 часа</p>	<p>Любовь и верность — идеальные качества союза мужчины и женщины. Поиски средств художественного воплощения темы. Обращение к магии, роковой предопределенности, «бродячим» сюжетам, фольклорным образам и конфликтам. Расширение художественного пространства литературы в понимании вымышленного чудесного мира. Женская спасительная сила в усложняющейся действительности. Новые возможности бытия и интерес к палитре частных переживаний человека. Занимательность сюжетных поворотов. Значение чудес для раскрытия идеальной сущности персонажей. Начало торжества женской духовности в русской литературе. Идеал патриархальности в «Домострое», повышение статуса домашнего труда, воспитание уважения в семье. Разрешение конфликта через соблюдение всеобщей субординации и соподчинения.</p>	<p>«Повесть о Петре и Февронии муромских», «Повесть о Тверском Отроче монастыре», «Домострой» (извлечения)</p>
11	<p>Смех и слезы в русской словесности XVII в. 2 часа</p>	<p>Возникновение в «переходный» век осмысления литературного развития через обращение к пародии и обновление традиционных жанров. Проникновение игры во все жанры словесности. Сатира на «справедливый» суд и мудрость Соломоновых решений. Игра ситуациями и словами в «Повести от куры и лисы», «Лечебнике на иноземцев». Освобождение игрой от прежних норм и незыблемых правил. Игра — проявление нового качества свободы — свободы отрицания. Оптимизм, заложенный в возможности рефлексии и издевательства над своим положением («Азбука о голом и небогатом человеке»). Открытие страданий неимущего «маленького» человека. Обретение индивидуальности протопопом Аввакумом в противостоянии светской и духовной власти. Отражение представлений о переменчивости жизни в сложном стилистическом полотне «Жития». Соединение событий общегосударственного и общехристианского масштаба с каждодневной историей человека в автобиографическом типе повествования.</p>	<p>«Шемякин суд», «Лечебник на иноземцев», «Азбука о голом и небогатом человеке», «Житие» протопопа Аввакума.</p>
12	<p>Открытие новых граней человеческого бытия и жанровое разнообразие литературы «переходного» века. 2 часа</p>	<p>Утверждение доминанты светских интересов в поэзии и драматургии. Ориентация на западную ученость и образованность. «Окно» в литературные традиции Европы в соединении с национальными запросами. Бытование театра, профессиональной поэзии «на заказ», трагические судьбы первых русских поэтов на стезе политической деятельности. Сложность силлабического стихосложения и интеллектуальная насыщенность стиха. Соединение в драматургии страшного и смешного. Традиции комедии масок и инсценировок библейских сцен в первых русских пьесах. Возникновение летописания в урало-сибирском регионе. Летопись тобольского дьяка Саввы Есипова о походе и гибели Ермака. Идея формирования единого христианского царства, возвеличивание подвига казачьего войска.</p>	<p>Вирши Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Кариона Истомина (примеры), Летопись Сибирская Саввы Есипова (отрывок).</p>